

Повести и рассказы

Елена Глушенко

Оля

Елена Глушенко

Оля

«Автор»

2007

Глушенко Е. В.

Оля / Е. В. Глушенко — «Автор», 2007

«Утро как утро. Уколы, капельницы, перевязки, обработка швов. Я почти закончила.— Игнат Захарович, повернитесь, пожалуйста, на бок, — попросила я белого, как лунь, но чрезвычайно шустрого деда, лежавшего на койке возле окна. Он с готовностью подчинился, задрал рубаху и оголив тощий зад. Протерев ваткой со спиртом место укола и шлепнув по нему, я воткнула иголку. Он даже не пискнул. Герой. Я ввела лекарство и выдернула шприц, зажав ранку.— Все. Держите ватку. Дед Игнат перевернулся на спину, даже не подумав прикрыться рубахой. Эксгибиционист хренов.— Олечка, пощупайте меня. По-моему, у меня температура. И внутри все просто встает дыбом, — поделился со мной дед Игнат. — Как вы думаете, Олечка, это серьезно?»

© Глушенко Е. В., 2007

© Автор, 2007

Елена Глушенко

Оля

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Утро как утро.

Уколы, капельницы, перевязки, обработка швов.

Я почти закончила.

– Игнат Захарович, повернитесь, пожалуйста, на бок, – попросила я белого, как лунь, но чрезвычайно шустрого деда, лежавшего на койке возле окна.

Он с готовностью подчинился, задрав рубашу и оголив тощий зад.

Протерев ваткой со спиртом место укола и шлепнув по нему, я воткнула иглолку.

Он даже не пискнул. Герой.

Я ввела лекарство и выдернула шприц, зажав ранку.

– Все. Держите ватку.

Дед Игнат перевернулся на спину, даже не подумав прикрыться рубашой.

Эксгибиционист хренов.

– Олечка, пощупайте меня. По-моему, у меня температура. И внутри все просто встает дыбом, – поделился со мной дед Игнат. – Как вы думаете, Олечка, это серьезно?

– Вот через час зав отделением освободится, и я ему все-все про вас расскажу, Игнат Захарович, – сказала я строгим голосом. – Он Вас сразу вылечит. Он Вам такое лекарство назначит, от которого у Вас ничто не только внутри, но и снаружи больше никогда не встанет.

Поправив на нем одеяло, я спрятала всю его красоту. Дед Игнат довольно засмеялся. Как мало все же надо человеку для счастья – всего лишь чуточку внимания.

...

Мне оставалось сделать последнее.

Я досчитала про себя до десяти, вежливо улыбнулась и толкнула дверь в четвертую палату.

– Доброе утро, Виктор Петрович! Как Ваши дела? Как спалось? – спросила я, подкатывая систему к кровати слева от двери.

– Отвратительно, – сварливо отозвался седой мужчина. – Всю ночь промучился – хоть бы кто подошел.

– Разве? А насколько я знаю, Ирина сделала Вам обезболивающий укол. И потом еще три раза подходила к Вам.

Он смолчал.

Его руки были все в синяках от бесконечных уколов и капельниц. Я осторожно прощупывала венку, пытаюсь найти подходящее местечко.

– Что? Уже некуда колоть? – желчно поинтересовался он.

– Не переживайте, Виктор Петрович. Я справлюсь, – дружелюбно ответила я. – На крайний случай, у Вас еще есть ноги.

Он зыркнул на меня из-под мохнатых бровей, но ничего не сказал.

Нет, на локтевом сгибе уже не осталось живого места. Сплошные узлы. Я протерла спиртом венку чуть выше запястья и осторожно ввела иглу. Затем покрутила колесико, настраивая частоту капания.

– Так нормально? Не давит?

– Давит, конечно.

Я покрутила колесико взад-вперед, а потом вернула в исходное положение.

– А так?

– Так лучше, – буркнул он.

Ну кто бы сомневался.

– Пожалуйста, не шевелите рукой и лежите спокойно. И не волнуйтесь – я про Вас не забуду.

– Да уж будьте так любезны, – сказал Виктор Петрович.

Последнее слово, как всегда, осталось за ним.

Я улыбнулась ему и вышла из палаты. Закрыла дверь, шумно выдохнула и пошла в ординаторскую.

Да, Виктор Петрович Ордынцев был не сахар. Мне еще не встречался человек с таким мерзопакостным характером. Я работала в третьей хирургии больше года и за это время успела понасмотреться всякого, но с подобным столкнулась впервые.

Он терроризировал всех с той самой минуты, как поступил к нам в отделение. Ему все было не так: ремонт безобразный, кровати отвратительные, питание ужасное. То ему было холодно, то жарко, то замучили сквозняки. Лечили его плохо, не уделяя ему должного внимания. Санитарки были нерасторопны, врачи неквалифицированы, а у медсестер руки росли не оттуда. Ночами он никому не давал спать, по нескольку раз вызывая к себе персонал.

Он раздражал меня безмерно. Мне иногда – стыдно признаться – хотелось стукнуть его по голове чем-нибудь тяжелым.

Но всякий раз я с ужасом отгоняла от себя эти мысли. Я не могла, не должна была испытывать к нему ничего, кроме сочувствия и жалости. Потому что Виктор Петрович был смертельно болен.

Во время операции вместо язвы двенадцатиперстной кишки обнаружилась раковая опухоль, давшая обширные метастазы. Со дня на день его должны были выписать и отправить домой умирать.

– Ты чего такая суровая? Опять академик доставал? – спросил меня интерн Сурков.

Сурков не шутил. Кто-то из наших выяснил, что пенсионер Виктор Петрович Ордынцев действительно был академиком и еще не так давно директором института, занимавшимся исследованиями не то нефти, не то газа.

– Да ничего особенного, все как обычно, – вяло отмахнулась я.

Мне было нехорошо. В носу свербило, в горле першило, и голова была как в тумане.

– А хочешь, я тебя поцелую? Для поддержания тонуса? – с надеждой предложил Сурков.

– Отстань, Паша. По-моему, я заболеваю.

– Ты это брось! Нашла время! – встревожился он.

– Да знаю я. Самой неохота. Но если к вечеру не пройдет, придется отпрашиваться.

К вечеру не прошло, и, после того как я два раза чихнула в присутствии зава, Сан Саныч послал меня подальше.

– Значит так, голуба, – авторитетно заявил зав. – Тридцать грамм водки с перцем и под одеяло. И чтобы к следующей смене была как огурец. Здесь больных без тебя хватает.

– Сан Саныч, я не пью, Вы же знаете. И вообще, странно слышать от профессора такой дремучий совет, – укорила я начальника.

– Оленька, я тебя не пить призываю, а лечиться. А насчет дремучести... Вот когда станешь профессором, тогда поймешь, что дремучие советы – они самые надежные. Так что хватит умничать, вали домой.

И я отвалила.

...

На улице шел снег.

Табло на главном корпусе попеременно показывало то время, восемнадцать двадцать, то температуру, минус двенадцать. Нормально для начала ноября.

В другой раз я бы обязательно прошла пешком – тут всей ходьбы было на полчаса. Но сегодня я решила не рисковать, поехать на автобусе и последовать совету Сан Саныча. Нет, водку я пить не собиралась. А вот под одеяло забраться хотелось очень.

Мне категорически нельзя было болеть. Сначала требовалось решить квартирный вопрос.

Невесть откуда взявшийся сынок тети Клавы – царствие ей небесное! – дал нам с Лизой две недели на то, чтобы мы освободили квартиру. И этот срок истекал через четыре дня.

Ах, милая добрая тетя Клава! Как же не вовремя Вы умерли!

Я покрутила головой, отгоняя кощунственную мысль. Разве можно умереть вовремя?

Клавдия Семеновна, или тетя Клава, как ее называли мы с Лизой, была добрейшей души человек.

После смерти мужа двухкомнатная квартира оказалась ей не по карману. Сын, о существовании которого мы с Лизой до прошлой недели даже и не подозревали, никак ей не помогал, и она стала сдавать одну комнату. Сначала комнату снимал какой-то мужик, потом Лизавета с подружкой. Потом подружка уехала, и тетя Клава написала новое объявление.

Я наткнулась на нее на остановке, когда она приклеивала бумажку на фонарный столб. Это было в прошлом году, в конце июля. Я как раз искала себе жилье – мне пора было освободить место в общежитии после окончания училища.

Клавдия Семеновна привела меня к себе домой, и я там и осталась.

Она брала с нас с Лизой только квартплату и ни копейкой больше. Получалось примерно по тысяче с носа. Это было почти задаром за благоустроенное жилье в центре города, да еще и возле остановки.

Еще одну тысячу из своей жалкой зарплаты я отправляла маме в деревню, а на оставшиеся две с небольшим пыталась выжить, подрабатывая почтальоном или курьером в свободное от дежурства в больнице время.

Оказалось, что если чередовать «Ролтон» с «Дошираком», то выжить можно, невзирая на ранний гастрит. Поэтому я даже умудрялась выкраивать крохи на дешевую косметику и кофты с китайского рынка.

Мы с Лизаветой быстро нашли общий язык. Она была студенткой политехнического института и училась по специальности с непроизносимым названием. Что-то там с генераторами.

Как и я, она приехала из деревни. Только ее семья, в отличие от моей, могла помогать ей деньгами. Пусть и небольшими.

Тетя Клава, святая женщина, еще и подкармливала нас на свою мизерную пенсию: она иногда пекла нам пирожки – то с капустой, то с повидлом.

Хорошая была старушка, царствие ей небесное. Мне было очень жалко и ее, и ее пирожки, и ее замечательную квартиру.

Черта с два я найду сейчас что-нибудь подобное. Нет, конечно, предложений было полным-полно! Жилье сдавалось в огромном количестве во всех районах города. Но вот сколько теперь это будет мне стоить?

Я уже обзвонила кучу адресов и даже съездила посмотреть несколько комнат. Жилье было вполне приличным. Вот только цены мне не подходили. Никто не соглашался меньше, чем на четыре тысячи. Даже если разделить эту сумму на двоих, то для меня это было все равно неподъемно.

...

В подъезде было темно, хоть глаз выколи. Вот паскуды, опять все лампочки повывкручивали.

Практически на ощупь я поднялась по лестнице на второй этаж, подошла к квартире и полезла в карман за ключом.

Из-за двери доносились какие-то звуки. Мне показалось, что там кто-то не то плачет, не то стонет. Я замерла и прислушалась. Послышалось какое-то «бу-бу-бу», а потом такой звук, как будто что-то тяжелое уронили на пол.

От страха я моментально взмокла. У меня даже ладони вспотели. Трясущимися руками я вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла, стараясь производить как можно меньше шума.

В большой комнате, которую раньше занимала тетя Клава, горел свет. Я на цыпочках подкралась к дверному проему и осторожно заглянула внутрь.

На полу, прикрыв голову руками, лежала Лиза. Она поджала под себя ноги, стараясь защитить живот, куда прицельно пинал черным ботинком какой-то мужик. Он был в брюках, но без рубашки. Я не видела его лица, только массивный затылок.

От увиденного у меня мгновенно поднялась шерсть на загривке. Я закричала и прыгнула ему на спину. Он закрутился волчком, пытаясь сбросить меня. Но я вцепилась в него мертвой хваткой, а потом впилась зубами в его правое ухо.

Он заорал от боли и так дернулся, что я все-таки свалилась с него, отлетела в угол и ударилась головой о стену. Если б не капюшон пуховика, наверно, я бы потеряла сознание. В глазах у меня потемнело, и на какую-то секунду я оглохла. Потом пришла в себя и увидела, как он, морщась, трогает себя за ухо, а затем разглядывает пальцы, измазанные кровью. В его взгляде явственно читались боль, изумление и ярость в равных долях.

Потом он уставился на меня, словно не верил своим глазам, и через мгновение шагнул ко мне. Схватил за шкурку и рванул на себя.

Я не стала ждать, пока он меня ударит, и ударила первой. В нос, как учил Илья.

Мужик снова заорал и разжал руки. Я с размаху пнула его по яйцам, и, когда он скрючился, изо всех сил саданула локтем по шее. Он рухнул на пол и застыл бесформенной грудой.

Лиза уже не плакала, лишь стонала от боли. Я бросилась к ней.

– Господи, что он с тобой сделал?

Она подняла на меня избитое лицо и сделала попытку подняться. Я помогла ей встать. Она не могла стоять прямо и согнулась в три погибели, обхватив живот. Из носа и рассеченной губы текла кровь, под левым глазом наливался фингал. Я посадила ее на стул.

– Дай-по-пить, – по слогам попросила Лиза, и я кинулась в кухню.

– Проверь языком, только осторожно – зубы целы? – сказала я, протягивая ей стакан.

Она потыкала языком в разные стороны и кивнула:

– Целы.

Мужик на полу зашевелился. Я снова пошла в кухню и вернулась с ножом, больше похожим на тесак.

Он встал сначала на колени и постоял так какое-то время, опираясь на локти. Затем распрямил руки и поднял на меня голову.

– Лиза, мне позвонить в милицию? – спросила я.

Она покачала головой.

– Не надо. Пусть убирается.

Он смотрел на меня бессмысленным взглядом и, похоже, не понимал, что происходит.

– Забирай свои манатки и выметайся, – громко и внятно сказала я.

Взгляд его несколько прояснился. Он с трудом поднялся и охнул, зажав между ног руки.

– Еще раз сюда сунешься – отрежу твои причиндалы, – пообещала я ему.

Он посмотрел на нож в моей руке и перевел взгляд куда-то в угол. Я проследила за его взглядом – там, на полу, лежали его пиджак и рубашка. Я подняла их, вышла в коридор,

открыла входную дверь и выкинула шмотки в подъезд. Затем сняла с вешалки дубленку с шапкой и вышвырнула и их тоже.

Он, пошатываясь, вышел в коридор. Я ждала, держа дверь открытой. У самого выхода он остановился и повернулся ко мне, намереваясь что-то сказать. Я не собиралась его слушать.

– В подъезде оденешься, – сказала я.

Вытолкала его наружу и захлопнула дверь.

...

Лиза скрючилась на стуле. Я подняла ее и повела в ванную. Смыла кровь. Слава Богу, швы накладывать не придется. Зубы целы, синяк пройдет.

Сложнее было с возможными внутренними повреждениями.

Я уложила ее в кровать и накрыла одеялом.

– Если к утру боль не утихнет – поедem в приемный покой.

– Зачем?

– Затем. Тебя надо обследовать – вдруг он тебе повредил что-нибудь внутри.

– Не успел, – сказала Лиза. – Ты вовремя пришла. Он только начал меня пинать.

А если б я не заболела и не пришла домой сегодня вечером вместо того, чтобы вернуться завтра утром после смены?

Я сел на кровать рядом с ней.

Что же ты с собой сделала, Лиза?

Первый год мы прожили с ней душа в душу. С особыми откровениями друг к другу не лезли, но все же были довольно близки. Я работала в больнице. Лиза училась. На длинные праздники и каникулы мы уезжали к своим родным, а потом возвращались в город. И тетя Клава встречала нас горячими пирожками.

Лиза сдала летнюю сессию и уехала к родителям. В августе она вернулась, начался новый учебный год.

Первое время все шло как обычно.

А потом стало происходить нечто странное. И у Лизы появились деньги.

Поначалу я ничего не замечала. Да и когда мне было – я крутилась как белка в колесе чуть ли не двадцать четыре часа в сутки.

Первой среагировала на перемены тетя Клава.

– А что это ты, Лизанька, по утрам теперь никуда не торопишься? Уже не учишься, что ли? – спросила она как-то, когда мы втроем чаевничали на кухне.

Лиза бросила на меня быстрый взгляд и, слегка покраснев, ответила:

– Ну, что вы, тетя Клава! Я просто... перевелась на вечерний. А днем работаю... оператором... по приему платежей за сотовую связь.

– И когда это ты успела? – поинтересовалась я, пережевывая печенье.

– Еще в начале семестра, – сказала Лиза, не глядя на меня. – Тетя Клава, а можно еще чаю?

Если Клавдия Семеновна удовольствовалась таким объяснением, то я нет.

Я проанализировала последние недели, вспомнила ее поначалу редкие, а затем участвовавшие ночные отлучки. Потом вспомнила, как среди ее вещей увидела несколько новых тряпок, причем явно недешевых. И сложила два плюс два.

Однажды вечером, почти ночью, когда тетя Клава уже спала, я дождалась Лизу и прижала ее к стенке.

– Давай выкладывай!

– Чего выкладывать? – попыталась отвертеться она.

– Все. Где ты была?

– Ты мне не мать, – огрызнулась Лиза.

– И именно поэтому ты мне все расскажешь. Немедленно.

Лиза хорохорилась, но было видно, что она испугалась. Наконец, она набралась смелости и брякнула:

– Я работала.

– Где? На панели?

Она дернулась, как будто ее ударили, но смолчала.

Почему-то вспомнились многочисленные газетные объявления типа «Примем на высокооплачиваемую работу девушек без предрассудков».

– Ты продалась кому-то?

– Кому? – не поняла она.

– Ну, не знаю, как это называется... Бордель?

– Нет. Я работаю одна.

Меня коробило, когда она говорила «работаю».

– Это я работаю, Лиза. А ты трахаешься. И мне не понятно, зачем тебе это надо. Ты что – нимфоманка?

– Кто? – переспросила она.

Бестолочь.

– Я спрашиваю, ты что – без секса жить не можешь?

– Почему это? – удивилась Лиза. – Конечно, могу. Какой глупый вопрос!

– С чего это он глупый, если ты не можешь обойтись без мужиков?

– Я? Без мужиков?! – изумилась Лиза. – Да я их ненавижу. Они все козлы и подонки.

Я начала терять терпение.

– Тогда какого хрена ты этим занимаешься?

Она смотрела на меня, криво улыбаясь.

– Знаешь, Оля, ты иногда такая умная, а иногда дура дурой. Чего ж тут непонятного? – она усмехнулась. – Деньги. Я зарабатываю деньги.

У меня не было слов. Ее, похоже, забавляло мое состояние.

– Ну, не смотри ты на меня так! – взмолилась она, наконец.

– Как? – спросила я хрипло.

– Так, как будто я шлюха.

– А кто ты? – поинтересовалась я.

Она не взорвалась, не закричала, а принялась терпеливо объяснять мне, как маленькой:

– Шлюхи – это те, кто делает это ради удовольствия. Да, иногда им за это платят. Я же занимаюсь этим исключительно ради денег. Причем хороших денег.

Мне стало тошно.

– Да пойми ты, – начала горячиться Лиза. – Какой смысл в том, чтобы горбатиться пять лет, жить впроголодь, а в итоге существовать на жалкую зарплату, занимаясь какой-нибудь фигней? Вот ты сколько получаешь? Тыщи четыре в месяц, да? Ну, а я их заработаю за четыре часа. Поняла?

Я усмехнулась.

– Поняла. Только не говори, пожалуйста, этого слова – «заработаю».

– Почему же, интересно? Это самая настоящая работа, ничем не хуже других. Кто-то торгует своими мозгами, кто-то своим талантом – голосом, например. Ну, а я торгую телом, поскольку ни мозгов, ни талантов у меня, видимо, нет. Ну и что тут такого? Секс – это такая же естественная потребность человека, как еда или сон. Ты же ходишь в столовую или магазин и покупаешь себе еду? Почему же другие не могут взять и купить себе сексуальное удовлетворение?

Она была очень убедительна. У меня внутри все протестовало, но я не находила слов.

Лиза смотрела на меня и ждала, что я отвечу.

– Мне очень жаль, – сказала я, наконец, – что ты не нашла другого способа зарабатывать деньги.

– Мне тоже жаль, – согласилась она. – Тебе хорошо – ты знаешь, чего хочешь. Поступить в медицинститут, стать врачом – это же замечательно, если это и есть твое призвание. Ради этого и поголодать можно. Ну, а мне не повезло. Я не знаю, зачем живу, и какое у меня предназначение.

Она помолчала.

– Ты не думай – я этим всю жизнь заниматься не собираюсь.

Я представила ее старушкой, оказывающей сексуальные услуги молодым озабоченным мужчинам.

– Чего ты ухмыляешься? – подозрительно спросила Лиза.

– Представила тебя восьмидесятилетней жрицей любви.

– Ты извращенка, – убежденно сказала Лиза. – Конечно же, мне это не нравится. Иногда до того противно, что аж тошнит.

– Тогда бросай это, Лиза. А? В мире ведь столько всего интересного.

– Я брошу, – пообещала Лиза. – Обязательно. Вот еще немного подкоплю и брошу. И буду думать, что делать дальше.

Вот так закончился наш тогдашний разговор. Больше к этой теме мы не возвращались.

В нашей жизни ничего не изменилось, за исключением питания. Лиза стала открыто покупать фрукты, конфеты, всякие деликатесы.

Тетя Клава ела и нахваливала. Мне же кусок не лез в горло, и Лиза обижалась.

Прошло меньше месяца, и вот она лежала передо мной, избитая в кровь.

Я не знала, что ей сказать. Пожурить? Она была уже взрослая девочка и сама отвечала за свои поступки.

– Я думаю, что тебе надо завтра же утром перебраться к девчонкам в общагу. Может, тебе, наконец, дадут место.

– Почему? – спросила Лиза, с трудом шевеля губами.

– Потому что этот подонок может вернуться. Судя по одежде, он какой-то клерк. Так что утром и днем он, скорее всего, будет занят. А вот к вечеру у него может проснуться уязвленное мужское самолюбие. Не думаю, что он прихватит с собой своих приятелей. Но вот подкараулить тебя одну он может. Типун мне на язык.

– А как же ты?

– Ну, во-первых, меня не так-то просто застать дома – я сутками работаю. Во-вторых, максимум через четыре дня меня здесь не будет: если не уйду сама, то меня вышвырнет сынок тети Клавы. А в-третьих, ты за меня не бойся. Я могу за себя постоять.

Лиза усмехнулась.

– А здорово ты его! Кто тебя научил так драться?

– Старший брат, – ответила я.

Пошла на кухню, развела кипятком в стакане пакетик «Тера-Флю», выпила и легла спать.

...

Утром Лиза категорически отказалась ехать в больницу. Сказала, что чувствует себя почти нормально.

Она сидела на кровати и руководила моими действиями – я собирала ее вещи.

Потом мы в последний раз выпили чаю на кухне.

Затем она вызвала такси. Я помогла ей донести вещи до машины. Мы обнялись и постояли так немного.

– Ну, все, хватит, – отстранилась я. – Еще увидимся как-нибудь.

– Спасибо тебе, – сказала Лиза.

Она села в машину и уехала.

А я выпила очередной пакетик «Тера-Флю» и поехала смотреть очередную квартиру.

...

Сурков готовил выписные эпикризы.

– Паша, – осторожно сказала я. – Если в течение ближайших двух дней я не найду себе жилье, то мне какое-то время придется пожить у тебя.

Он поднял голову и уставился на меня поверх очков.

– Так, может, все-таки поженимся, а? В конце-то концов? – спросил он с надеждой. – И я, наконец, сменю фамилию. Буду не Сурков, а Смирновский. Красиво звучит – Павел Смирновский?

– Красиво. Родился бы, как я, в Смирновке – тоже был бы Смирновский.

– А у вас там что – все такие? – поразился Паша.

– Ну, почему сразу все? Примерно половина.

– Круто, – восхитился Сурков, но быстро опомнился. – Ты давай не уходи от ответа, хитрюга. Будем жениться? Последний раз спрашиваю.

– Нет, Паша, не будем. Ты меня не прокормишь. Я очень прожорливая.

Он что-то посчитал в своей умной голове.

– Но ведь ты же как-то выживаешь на одну зарплату. Значит, уж на две-то мы как-нибудь проживем?

– Почему это «на две»? На одну твою. Муж должен содержать жену, а жена имеет право тратить свою зарплату на булавки.

– Это где такое написано?

– В Гражданском Кодексе, – брякнула я.

Он с сомнением смотрел на меня, но не решался опровергнуть. Не читал Гражданский Кодекс, скорее всего.

– А куда тебе столько булавок? – зашел с другой стороны меркантильный Сурков.

Пока я соображала, что бы такое ответить, в дверь просунулась голова Алёны, старшей медсестры.

– Оля, к тебе пришли.

– Ко мне? – изумилась я. – А кто?

– Понятия не имею. По телефону не видно. Какой-то женский голос. Спускайся вниз, – выпалила Алёна и исчезла.

Она у нас реактивная.

Кто бы это мог быть, интересно?

Я спустилась на первый этаж и в холле увидела Лизу.

Выглядела она потрясающе. Ноги от самой шеи, высоченные каблуки, длинный шарф. Из-под темных очков фингала совсем не видно. Модель, да и только.

– Привет! Ты что здесь делаешь? Что-то случилось? – встревожилась я. – Тебе плохо?

– Привет! Нет, со мной все в порядке, – улыбнулась она. – А ты как? Поправились?

– Да вроде. Тьфу-тьфу-тьфу! Ты же знаешь, мне некогда болеть.

– А мне дали место в общежитии, – сказала Лиза.

– Да ты что! Вот здорово!

– Представляешь?

Я была очень рада за нее. Мне хотелось спросить кое-что, но я не знала как. Она сказала сама:

– Кстати, я нашла другую работу. В смысле, настоящую работу, – поправились Лиза, смутившись.

– Но это же отлично! – обрадовалась я еще больше. – А где?

– В ночном клубе. Буду танцевать стриптиз.

Я обомлела.

– Лиза! Час от часу не легче!

– Да ты что! – возмутилась она. – Там все совершенно прилично. Если кто руки распускать начинает, охрана мигом за дверь выкидывает. Там с этим строго.

Она замялась.

– Да мне и самой ничего другого больше не хочется. Я, похоже, надолго сексом наелась. Надеюсь, не навсегда.

Я смотрела на нее и не знала, плакать мне или смеяться.

– А как же твоя учеба? Неужели совсем бросишь?

– Почему? Нет, наоборот. Я решила все-таки окончить институт, раз уж с таким трудом туда поступила. По крайней мере, кусок хлеба будет. Ну, а там поглядим. Может, я что-то про себя и пойму.

– Я очень за тебя рада, – искренне сказала я.

Черт с ним, со стриптизом. Говорят, там хорошо платят.

Лиза достала из пакета какую-то коробку и протянула мне.

– Что это? – удивилась я.

– Это тебе. Сотовый телефон, – застенчиво сказала она.

Я потеряла дар речи.

– Там уже есть SIM-ка. А в список контактов я занесла свой номер. Так что ты теперь всегда сможешь мне позвонить.

У меня выступили слезы.

– Ну, перестань, – Лиза тоже расчувствовалась. – А то у меня тушь из-под очков потечет.

– Не буду, – шмыгнула я носом. – Спасибо. Даже не знаю, что сказать.

– Ну, и не говори ничего. Просто я не хочу, чтобы ты исчезла из моей жизни. Так что пусть это будет такой связующей нитью между нами.

– Это замечательно. Спасибо тебе огромное.

– Это тебе спасибо. За все.

Лиза поцеловала меня в щеку и пошла к выходу. В дверях она обернулась:

– Не теряйся! Звони!

...

Я ворвалась в ординаторскую.

– Сурков! Гляди, что мне подарили!

Он отложил бумаги и взял у меня коробку.

– Ого! Это кто это так расщедрился?

– Поклонник.

– Какой поклонник? У тебя нет поклонников. Только больные. Я – твой единственный поклонник, – заявил этот нахальный тип.

– Ошибаетесь, господин Сурков.

Я отобрала у него коробку и погрузилась в изучение своего сокровища. Телефон был такой маленький, такой хорошенький, такой черненький! У меня в жизни никогда не было ничего подобного!

– Дай, я занесу в него свой номер.

Он потянулся к моей драгоценности.

– Убери руки, – увернулась я. – С чего это ты взял, что мне нужен твой номер?

– Как будущий муж я имею право... – начал этот зануда.

Нет, ну держите меня семеро!

– Кто? – спросила я уничижительным тоном. – Забудь, Сурков. Если я решила пожить у тебя несколько дней, это вовсе не означает, что я собралась за тебя замуж.

Он обиделся.

– Ты меня просто используешь, – заявил он, надув губы.

Ну, что на это сказать? Врать я не умею, да и не люблю. Поэтому пришлось говорить правду.

– Нет, Паша. Я тебя не просто использую. Я тебя использую с удовольствием. Потому что ты мой самый лучший, самый надежный, самый верный друг.

И для подтверждения своих слов я его поцеловала. Очень крепко и очень по-дружески.

– Ты все-таки выйдешь за меня. Когда-нибудь, – сказал он убежденно. – И я сменю фамилию.

...

– Уважаемые посетители! Ваше время истекло.

Я заглянула в седьмую палату.

Женщина в накинутом на плечи халате поднялась с постели и стала прощаться с мужем, который поступил в отделение сегодня утром.

У своего окна дед Игнат с упоением хрустел яблоком.

– Где вы взяли яблоко? – с ужасом спросила я. – Вам же нельзя!

– Унуча принесла, – ответил он с набитым ртом.

Я попыталась отобрать у него огрызок, но он со скоростью звука сунул его в рот. Удивительно, но, похоже, у него все зубы были до сих пор целы.

В растерянности я не знала, что делать.

– Игнат Захарович, вы – сплошное нарушение внутреннего распорядка, – сказала я беспомощно.

– Унуча, мне девяносто два года, – заявил дед Игнат, прожевав остатки яблока. – Сколько, по-твоему, мне еще осталось радоваться? Так что не мешай, Христа ради. Лучше убери-ка это в холодильник.

И скрюченным пальцем он показал на пакет, лежащий на тумбочке возле его кровати.

Я безропотно взяла пакет.

– Постой-ка, – притормозил он меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.